

Наталия Мазова

Янтарное имя

Магистр

Наталия Мазова

Янтарное имя

«Автор»

1997-1998

Мазова Н. М.

Янтарное имя / Н. М. Мазова — «Автор»,
1997-1998 — (Магистр)

Не миром и пространством овладевает настоящий маг - это под силу и великому королю или военачальнику, и ученому с беспокойным разумом. И оба они знать не знают о том, как увлекательна игра со стихиями... Настоящий маг овладевает людьми - телами и волей, разумом и душой. Настоящий маг знает закон - для того, чтобы вседневно его нарушать. Однако мечта любого повелителя стихий - овладеть магией Слова, доступной лишь избранным. Но возможно ли это в мире, где творить чудеса Словом способны только женщины?..

© Мазова Н. М., 1997-1998

© Автор, 1997-1998

Содержание

Часть I. Одержимый	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Наталия Мазова

Янтарное имя

Троим моим менестрелям. Считайте это публичным объяснением в любви.... к вашему творчеству.

КЛЮЧ:

*Вдали – как здесь, сегодня – словно встарь
Скажу о том, кем никогда ты не был.
Нам не делить с тобой вина и хлеба -
Я лишь цветы кладу на твой алтарь.
Янтарь и небо. Небо и янтарь....*

Часть I. Одержимый

С гор налетел порыв не по-апрельски холодного ветра.

Светлогривый скакун каких-то уж совершенно невысказанных кровей зябко передернул ушами, переступил с ноги на ногу, очень недовольный.... Подумать только – он честно проделал эти тридцать миль до Лесного Венца на такой скорости, словно за ними гналась свора демонов, а всадница, вместо того, чтобы о нем позаботиться, бросила его, еще разгоряченного после скачки, на этом открытом всем ветрам холме, даже не потрудившись привязать, и бегом кинулась в этот несчастный замок!.. Ладно бы была она гонимой с важным донесением – так нет же, последней кляче в округе известно, что Лесной Венец, когда-то принадлежавший благородной Ланнад, уже лет двести как пуст и медленно разрушается временем....

Наверное, если конь считал своего всадника женщиной, то так оно и было. Однако при первом взгляде на это создание пол его определить было не так легко, и теплые, но совершенно бесформенные штаны и куртка еще больше способствовали этой неопределенности. А впрочем, если приглядеться.... не бывает таких лиц у мужчин, даже если они еще совсем мальчишки....

Вообще о внешности создания, которое, задыхаясь, взбиралось по крутой винтовой лестнице в Башню Молчания, крайне трудно было сказать что-либо определенное. Разве что уподобить эту женщину тепличному растению – выше среднего роста, была она так болезненно худа и бледна, словно никогда не касались ее благодатные лучи солнца. В остальном же – красива она была или безобразна? Совсем молода или уже в зрелых годах? Какого цвета были ее волосы и глаза, и было ли в чертах лица хоть что-то, что могло привлечь к себе внимание?

Было.

Выражение этого бесцветного, словно несуществующего лица было застывшим в своей обреченности и отрешенности выражением фанатизма. Таким могло быть лицо мученицы из первых христиан, как благодати ждущей огня или львиных клыков.... Нет, в том-то и дело – как благодати, ведь мученица знает, что смерть для нее означает спасение души, и приветствует ее просветленной улыбкой. На этом же лице ясно читалась готовность отдать все – и душу, и честь – во имя какой-то абстрактной, завораживающей своей непонятностью идеи, холодное, стоящее по ту сторону света и тьмы упорство делательницы революций....

К счастью, мир, в котором стоял Лесной Венец, еще не дождался времен потрясений, активно востребующих такого рода фанатизм. Местный уроженец скорее заподозрил бы эту женщину в причастности магии, хотя и это вряд ли – наверное, просто счел бы безумной....

Она добралась до последнего этажа и, распахнув дверь в комнату, сразу же направилась к полкам, на которых в ряд стояли небольшие шкатулочки из слоновой кости с вырезанными на

крышках странными письменами, похожими на эсхартские руны. И совершенно неожиданно ледяное выражение обреченности на ее лице растаяло под какой-то детски счастливой улыбкой....

Легко, словно касаясь святынь, она по очереди снимала крышечки со шкатулок, в каждой из которых лежал большой, выпукло обточенный кристалл. Все кристаллы были похожи формой, но не было и двух, сходных цветом и яркостью блеска. И с блаженной улыбкой она ласково гладила одни кристаллы кончиками пальцев, на другие просто долго глядела, неслышно шепча что-то себе под нос, а над двумя или тремя сразу же захлопнула крышки, предварительно показав им язык. Похоже, она действительно была безумна, эта женщина, похожая на бесприютную душу, насильно вырванную из оков плоти....

Вот она взяла в ладони один из кристаллов – зеленый почти до черноты, от темноты своей кажущийся очень тяжелым – и сразу дернулась всем телом в немыслимом напряжении радости-страдания, и почти выронила кристалл назад в шкатулку. Ветер, гулявший по комнате хозяином замка, сумел прочесть по ее губам: «Нет.... не под силу.... умру сразу....» Помедлив, взяла другой – яркий, светом горних высей лучащийся сапфир. Покачала на ладонях, приласкала легкими прикосновениями, поднесла к губам.... и остановилась на полпути. С трудом, виновато улыбнулась – и вернула в шкатулку, накрыв его крышкой особенно бережно, словно ребенка одеяльцем прикрывала. И решительно взяла, почти выхватила из третьей шкатулки густо-коричневый, отблескивающий то золотом, то кровью, с маленькой щербинкой на одной из граней.

Держа выбранный кристалл в ладонях, она подошла к окну и зачем-то полюбовалась камнем на просвет. Снова, как и предыдущий, покачала в руках, погладила и наконец, склонившись к лодочке ладоней, медленно и сильно дохнула на него.

Ало-золотой свет в камне запульсировал, разрастаясь – и вдруг ниоткуда в комнату ворвались аккорды гитары, к которым почти сразу же присоединился голос певца. Мягкий, волнующий душу своими серебристыми переливами, он был предназначен для того, чтобы петь о любви – но песня была совсем об ином. О смертном бое, в котором невозможна победа, ибо бой этот из таких, где неправы обе стороны уже потому, что позволили ему начаться....

Она слушала, закусив губу. Кончилась одна песня, другая, третья – она все стояла с каменно затвердевшей спиной, запрокинув голову, чтобы удержать слезы в глазах.... Да, она никогда не была сильной и прекрасно знала это, и сюда шла совсем не за силой – но все же, все же.... Ветру уже не составляло никакого труда читать по ее губам, ибо она повторяла слова песен.

Еще одна баллада отзвучала в пустой комнате заброшенного Лесного Венца, и почти тут же началась новая. Казалось, что она мало отличается от предыдущих – все они были в одном стиле – но услышав ее, она снова содрогнулась всем телом, и горло ее напряглось в безмолвном стоне, мучительной попытке хоть на секунду влить свой отсутствующий голос в ЭТО.... Но ничего не вышло, и тогда она резко наклонила голову – слезы так и хлынули на кристалл в ладонях – и припала губами к той самой грани, на которой была щербинка. Острый скол поцарапал ей губу, и пара алых капель потекла по полированной грани вслед за жгуче бесцветными – она в своем безумии даже не заметила этого, не то целуя ало-золотую грань, не то шепча слова баллады.... А голос неведомого менестреля, поющего о вечном, все так же царил в башне, еще при Ланнад прозванной Башней Молчания.

Внезапно она резко отодвинула от лица ладони – кристалла в них больше не было, в них, как в той легендарной Чаше, пламенел свет, то наливаясь кровью, то мягко сияя золотом заката.... Лицо ее снова застыло в фанатичной обреченности, и, почти уже не осознавая, что делает, она прижала ладони к лицу, провела по нему, словно умываясь светом.... И мягко, по-прежнему не проронив ни звука, осела на пол у окна, и губы ее дрогнули последний раз, и ветер, встревоженно кинувшийся к ней, прочитал по ним – имя....

И только тогда голос и гитара смолкли. Последний аккорд еще какое-то время висел в воздухе, а затем ветер, убедившись, что бедной сумасшедшей уже не помочь, подхватил его и унес в давным-давно разбитое окно....

* * *

«...Просто – пройти через два моста и повернуть направо....

Просто – понять, что душа пуста, но на губах отрава. Просто – зайти, посетить, побыть юной и светозарной, а уходя, на столе забыть отблеск горько-янтарный. Просто – неожиданное повстречать и проводить без гнева. Просто – в десятый раз промолчать.... И повернуть налево.»

Кто это сказал: «Предел страсти – песня, и провалиться мне в преисподнюю, если я не дошел до него»?!

* * *

Очнувшись, он долго силился понять, где он и каким неведомым путем мог здесь оказаться. Болела голова, что было довольно-таки логично, и почему-то горло.

Самое странное, что в памяти его зиял какой-то непонятный провал. Не покидало ощущение, что всю ночь он драл глотку для кого-то, но даже под угрозой пытки не вспомнил бы, для кого, да и вообще не имел представления о том, что творилось с ним в последнюю пару месяцев.... Актуальным был не только вопрос «где я?», но и – «кто я?»

Как кто? Гинтабар, странствующий менестрель....

«Гинтабар – прозвище,» – тут же услужливо подсказал внутренний голос. «Так сказать, устойчивое наименование. На Языке Служения это значит – Янтарная Струна, но этот язык никогда не был для тебя родным. А имя, которое тебе нарекли....»

После получаса бесплодных попыток он понял, что вспомнить его не в состоянии.

– Мистика какая-то, – удивленно произнес он, вставая и оглядываясь.

Помещение, в которое он попал, явно принадлежало когда-то некому аристократу, а скорее аристократке, в свободное время баловавшейся магией. Когда-то.... в высшей степени уместно употребленное местоимение! Рассохшийся письменный стол у окна, в который намертво вросло что-то неразличимо черное от патины, бывшее в юности своей письменным прибором.... Почти истлевший ковер, расплзшийся от его движений, выцветшие остатки некогда роскошных драпировок, стеклянные бусины, рассыпанные по полу с неведомо когда сгнивших нитей, зелень, перегрызшая медные цепочки светильников.... Всюду пыль, паутина, горы мусора под выбитыми окнами....

И неожиданно большое и чистое зеркало в пол-стены в раме из черного дерева. И ряд полок с флакончиками, камешками, какими-то непонятными шкатулочками из слоновой кости или лакированного дерева, бронзовыми фигурками, глиняными кувшинчиками.... все в идеальном порядке, хоть сейчас подходи и пользуйся!

Действительно мистика.

Тем более что в пыли на полу отпечатались четкие следы маленьких ног, а от окна до зеркала имел место след, словно волокли что-то тяжелое.... например, его же собственное тело – он ведь пришел в себя как раз под зеркалом.

Машинально он глянул в зеркало на свое отражение. Не будь этого стекла в раме, ему бы и в голову не пришло осмотреть себя – и между прочим, зря, как понял он с некоторым замешательством.

Вместо привычной свободной рубахи навывпуск, перетянутой кожаными ремнями, он был облачен в шелка и тонкую шерсть золотисто-коричневых тонов. Рукава рубашки стягивали

чеканные браслеты шириной пальца в четыре, облегающая туника была совершенно незнакома – с рукавами до локтя, подобранными к плечу, и длинным узким вырезом.... Из этого он сделал вывод, что находится не в том мире, в котором помнил себя в последний раз. Это было далеко не самым страшным из того, что могло случиться, и к тому же многое объясняло. Но эти браслеты, но овальная золотая застежка на темно-зеленом плаще.... Плащ почему-то казался смутно знакомым.

– Да-а, вот это прикид, – протянул Гинтабар почти с восхищением. – Впору лорду, а не барду.... нарушителю и подстрекателю!

В этот миг в мозгу его словно открылась дверца – и сразу недогоревшей болью хлынуло в душу все, что было перед тем, как его со связанными руками ввели на помост и над головой раздалось: «За нарушение спокойствия, распространение ереси и подстрекательство к мятежу, равно как и за членство в армии проклятого бунтовщика Сур-Нариана, приговаривается к смерти через повешение....» (Кто? Даже сейчас он не мог вспомнить имя, выкрикнутое глашатаем сразу после оглашения приговора – его нареченное имя.) Тогда, с петлей на шее, он еще успел увидеть стрелу, пронзившую горло капитану вооруженной охраны – и навалилась тьма, которая, как теперь оказалось, еще не была той тьмой, что ждет нас всех за гранью....

Значит, все-таки отбили? Уж больно непохоже на новое перерождение и ритуал «вспомнить все» – облик-то остался прежний, если не считать прикида. Но тогда почему он не помнит ничего из того, что было после? Или – отбили еще не вполне мертвого, но уже на пути к Справедливому Судии, и кто-то, обладающий Даром, вернул его с этого пути?

Кстати, последняя мысль наиболее логична. И что очнулся он не у себя, тоже объяснимо – много ли он встречал в родном мире магов, способных на это? Призвали кого-нибудь.... не один же он моталец на всю армию восставших!

А что бросили одного в непонятном месте – так кто их знает, этих чародеев, со всеми их странностями и заскоками! В конце концов, от того, что некому высказать благодарность за спасение жизни, сама эта благодарность меньше не станет.

Вот только почему же никак не получается вспомнить нареченное имя?...

Гинтабар еще раз огляделся и только теперь заметил в углу свою старую гитару – ту самую, что мстительно шарахнул о сосну королевский копейщик, один из тех, что его брали.... Он прекрасно помнил, как не сумел сдержать крика боли в тот миг – но вот она, любимая, как ни одна женщина, не подводившая ни разу, знакомая до последней царапинки на деке.... Только широкий ремень, чтобы вешать ее через плечо, подевался неизвестно куда.

Мистика.... Ну и хрен с ней, с мистикой! Не мое это дело – магические штучки-дрючки! Главное, цела, родная!

Кроме того, на поясе менестреля оказался привычный ему длинный «кинжал Нездешнего» – тоже в неприлично роскошной оправе, зато как раз по руке. А вот в вышитом кошеле сиротливо позвякивали всего лишь четыре серебряных монетки с чьим-то курносым профилем на одной стороне и короной из дубовых веток на другой.

– Вообще-то могли бы и побольше подкинуть, благодетели, – рассмеялся Гинтабар. – Ну ничего, не хватит – продам браслет, – в этот момент ему в голову пришло, что неведомый благодетель и не рассчитывал на его долгое пребывание в этом мире. А золото – оно везде золото и там, у себя, пригодится ему не хуже, чем здесь.

В общем, как ни крути, а повезло ему несказанно. По сравнению-то с королевским правосудием и петлей....

– Ну что? – он поправил плащ на плечах. – Есть тут кто-нибудь, кому можно вынести благодарность за мое спасение?

Или как?

Ответа, естественно, не последовало. Он пошарил взглядом по полкам с магическим реквизитом – не найдется ли, на что повесить гитару? Ага, вот какой-то плетеный шнурочек под-

ходящей длины. И плевать на все его магические свойства – если уж избежал виселицы, значит, не судьба умереть удушенным. . . .

С гитарой на плече он еще долго бродил по заброшенному замку, но нигде не нашел даже тех немногих следов человеческого присутствия, что были в комнате с зеркалом. Вообще все, кроме башни, было давно и безнадежно разграблено, однако за время своих странствий между мирами он уже привык ничему не удивляться, попадая в места, связанные с магией.

А на выходе из замка его ждало новое чудо неизвестного благодетеля: оседланный конь в полной сбруе спокойно бродил по склону холма, время от времени пощипывая молодую апрельскую травку. Конь был еще одним доказательством пребывания в чужом мире: вороной, но с серебристой гривой и такой же кисточкой на хвосте, а главное – с парой тонких прямых рогов, вроде как у серны. Стоило Гинтабару свистнуть, как он покорно подошел, дал себя погладить и не протестовал, когда менестрель забрался в седло.

– Ну и дела! – снова рассмеялся Гинтабар. – Это уж чересчур много для простого совпадения! Такое ощущение, что я попал в заколдованный замок из сказки: не успеваю подумать, как все желания исполняются. Н-но, лошадка! Посмотрим, что это за мир такой, куда меня забросило. . . .

* * *

Эту легенду рассказывают лаили по всему Зодиакальному Поясу Городов:

Давно-давно, еще когда добро и зло в мироздании только начали размываться на полутона, жила в Зеленых Лесах (в любом мире обязательно есть свои Зеленые Леса. . . .) некая лаиллис. . . . имя ей в каждом мире дают свое, так что для нас оно не имеет никакого значения.

Была она хороша собою, хотя встречались среди лаилей и женщины много краше ее. И не столько красота привлекала к ней все сердца, сколько необыкновенный голос, ибо слыла она первой певицей на все Зеленые Леса и дальше по всем западным землям до самых Кузнечных Гор. Была в ее голосе неведомая чарующая сила, и тот, кто хоть раз слышал его, будь он лаилем или простым смертным, готов был со слезами на глазах пасть к ее ногам, признаваясь в вечной любви.

Но, как водится, холодно было сердце прекрасной девы, и ни одному из тех, кто стал жертвой ее чар, не отвечала она взаимностью. Многие упрекали ее за это, но она отвечала: «Что могу я поделать? Сердцу не прикажешь. И не петь я тоже не могу, вся моя жизнь – в моих песнях. . . .»

И так жила она, окруженная теми, кому дарил радость ее голос, и сама не знала печали. . . . Не знала, пока не явился в Зеленые Леса один из сыновей короля Сумеречной земли, красавец и великий маг. Но никакая магия не уберегла его от чар, что навевала своим голосом Поющая.

«Беги, скройся из этих земель,» – говорили ему, – «пока не зашло слишком далеко твое помрачение! Ибо полюбивший эту женщину обречен на безответные страдания.» «Пусть так,» – отвечал маг, – «но я уже не мыслю жизни без нее. Так или иначе, но не уйду я, не попытавшись растопить лед и согреть камень!»

И поначалу казалось, что удача сопутствует ему – Поющая принимала его знаки внимания с большой благосклонностью. Но не любовь двигала ею, ей всего лишь было лестно иметь такую власть над одним из лучших, кого когда-либо рождали матери лаилей. . . .

Настал день, когда гость из Сумеречной земли преклонил колено перед Поющей и, замирая, спросил: «Согласна ли ты стать моей женой, о прекраснейшая из лаилле?» И услышал в ответ:

«Лучше тебе забыть меня, мой друг. Быть твоей женой – великая честь, но я не люблю тебя, а сердцу не прикажешь!»

В отчаянии покинул маг Зеленые Леса и долго скитался по свету, пытаясь забыть красавицу с ледяным сердцем – но где бы он ни был, всюду сияли перед ним необыкновенные глаза и звучал дивный голос, и ни в бою, ни в плену, ни на вершине торжества не мог он вырвать из сердца Поющую.

И в один из дней, изнемогая от бессилия, достал он колдовской хрустальный шар, желая видеть ее – и увидел, что и тень печали не омрачает ее лица, и как прежде, поет она, слыша во всем мире лишь себя...

– Так будь же ты проклята! – воскликнул маг в гневе. – Отныне не будет больше у тебя этой власти над лаиллями и смертными, и ни один, услышавший тебя, не скажет более, что ты умеешь петь! И лишь тот, кто ответит любовью на ТВОЮ любовь, услышит твой голос таким, каким слышал его я!

Сказал – и стало по слову его, ибо дарована была ему власть над многими силами мироздания... И скоро, очень скоро извела горький вкус одиночества та, которую прежде называли Поющей.

Дальше рассказывают разное. Но почти все сходятся на том, что и до сей поры скитается по мирозданию несчастная, ища, с кем разделить любовь, и любит она, и любят ее, вот только никогда это не совпадает, и даже сама она успела позабыть, как когда-то были покорны ее голосу силы стихий и сердца людей.

Того же, кого полюбит, она рано или поздно начинает ненавидеть – за то, что не пожелал стать избавителем! – и тогда незавидна делается судьба его...

Однако жители Опалии, слушая такие рассказы, только посмеиваются – они-то знают, как все было на самом деле!..

* * *

– Эй, добрые люди, подходите, не стесняйтесь! Все-все вам расскажу – и что было, и что будет!

Звучный голос гадалки, грузной, но энергичной женщины лет пятидесяти, без труда покрывал разноголосицу большой весенней ярмарки. Под тентом из выцветшей ткани в клетку стояли три больших чаши с песком – белым, желтым и черным – и огромное блюдо из красной обожженной глины. Вокруг всего этого хозяйства сутился помощник гадалки, мальчишка лет двенадцати – скорее внук, чем сын. Сама прорицательница, в черном свободном платье, расшитом золотыми треугольниками, как-то очень несолидно покачивалась на раскладном стульчике, который чудом не разваливался под ее немалым весом.

– Дева, дева, не проходи мимо! Неужели не хочешь на жениха погадать?

– Ну давайте, – тоненькая миловидная девушка в одежде пастухов предгорий опустилась на корточки перед гадалкой. – Что, выйду ли я замуж этой осенью, и кто ко мне посватается?

Привлеченный зрелищем, Гинтабар присоединился к толпе, окружавшей ворожею, и стал смотреть, как мальчишка, получив от девушки монетку, по очереди набирает по две горсти песка из каждого чана и ту, что в правой руке, бросает на блюдо резким движением, а ту, что в левой, сыплет тонкой струйкой, зажмурив глаза...

Гадалка наклонилась над блюдом – как стульчик под ней не опрокинется, оставалось совершенно непостижимым. Протянула над песком ладони с растопыренными пальцами, тоже закрыла глаза и начала легко поводить руками... и, повинувшись текущей с них непонятной силе, песок задвигался, потек и начал сам собой складываться в странный асимметричный узор. Девушка следила за движением песка, совершенно очарованная этой картиной. Наконец гадалка резко встряхнула руками и открыла глаза.

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим, чего у нас там вышло... Так, моя красавица, видишь эту дугу и под ней три палочки?

– Вижу, – замороженно ответила девушка.

– Дуга эта – месяц Арки, и посватаются к тебе трое в этот месяц. О первом и говорить не будем – палочка короткая, значит, и жених нестоящий. А вот вторая... Две палочки белые, а эта желтая – выделяешь ты его из иных прочих... Любишь, небось?

Есть у тебя тот, кого ты любишь?

– Не совсем люблю, – девушка скромно опустила ресницы. – Так... смотрю часто. Выделять – так кто ж его не выделяет, красивый он, и на лошади скачет – одно загляденье...

– Это хорошо, что не любишь, – бесцеремонно перебила ее гадалка. – Ненадежный он – видишь, палочка нечеткая, как бы размытая? И доверять ему не стоит, красивому твоему. Знаю я таких – нагулявшись, женится, да и после женитьбы ни одного подола не пропустит. Ты ему откажи, как ни лестно, ты третьего дожись. Вон, словно венчик у него над головой, он и есть твой суженый. Если сейчас и не замечаешь, так после свадьбы оценишь, он того стоит, ты уж поверь старой толстой Сатрэнне!

Гинтабар смотрел на это представление, а в душе у него вызревала странная мысль...

Уже больше месяца находился он в этом мире. Поначалу и не торопился его покидать, зная, что по Закону Цели всегда сумеет прийти, куда и когда нужно. Тем более что говорили в этой стране, именуемой Силлек, на каком-то диалекте Языка Служения, освоить который не составило никакого труда. Впрочем, и классический дайрэн аовэллин тут понимали, хотя считали, что говорят так где-то далеко на юго-западе. Он не спорил – с юга, так с юга. Тем более что и волосы у него были соответствующие – светлые, сильно выющиеся, с обычным для его родины, но редким в этих землях медовым отливом...

На первый взгляд мир казался вполне обыкновенным и даже скучноватым, но Гинтабар быстро понял, что почти во всех своих проявлениях мир этот тонко и, главное, неявно приправлен магией. На осторожные расспросы по поводу странного замка он получил ответ, что жила там давным-давно не то колдунья, не то вообще Нездешняя, но уже лет двести как сгинула (произнося это слово, любой из говорящих обязательно поднимал палец вверх – о! – и делал многозначительное лицо). А что там творится сейчас, так этого мирные жители не знали, и знать не желали, и ему не рекомендовали...

Постепенно им овладевала тревога. Он устал играть в кошки мышки со здешней непросотой, когда самые обычные вещи ни с того ни с сего начинают казаться причудливо-странными. И неотвязной болью колотился в виски вопрос: КАКОВО ЖЕ МОЕ НАРЕЧЕННОЕ ИМЯ? Он прекрасно помнил все – кроме этого, и с каждым днем это беспокоило сильнее и сильнее.

В один прекрасный день он сделал попытку уйти в родной мир по Закону Цели – и холодея от ужаса, понял, что не может. Ни в свой родной, ни в какой иной – ткань мироздания, раньше легко разрывавшаяся по его слову и желанию, теперь попросту не реагировала на него. При этом он четко осознавал, что не утратил ничего из своих сил и способностей мотальца – прочитал ведь он вывеску трактира в первом же селении, никогда доселе не выдав таких писем. И сразу же понял, еще не говоря с людьми, что Силлек расположен в южном полушарии, и потому здесь чем севернее, тем теплее...

Но если дело не в нем – тогда в чем же?

Неужели в том, что он неизвестно как и где утратил ИМЯ?

А если потерял – надо не поднимать панику, а искать. Ищите да обращайтесь.

Имя... Пустая, казалось бы, формальность, набор звуков, этикетка... Здесь его знали как Гинтабара-менестреля, и слава его уже бежала по Силлеку, опережая его самого. В конце концов, чем это имя хуже любого другого? И красиво, и почетно, и дадено, а не крадено!

А вот у мироздания на этот счет свое мнение...

... – Эй, менестрель, молодой да обаятельный, кудри как золото, чего смотришь-то так? Тоже небось хочешь, чтоб я погадала?

– Да вот пытаюсь понять, шарлатанка ты или вправду что-то можешь, – машинально ответил Гинтабар не столько гадалке, сколько собственным мыслям.

– Кто шарлатанка? Это я-то шарлатанка?! – Гадалка вскочила со стульчика, всплеснула руками, призывая толпу в свидетели: – Я в землю на три руки вижу, все про всех знаю! Скажите, люди добрые – разве говорила Сатрэнна хоть раз неправду? Ну хоть кому-нибудь?

Он пристально посмотрел на нее и внезапно решился:

– Говоришь, все знаешь? Извини, не верю! Вот... имя назовешь, тогда поверю!

– И назову! Думаешь, не сумею?! – повинуясь кивку своей вроде бы бабки, мальчишка быстро начал заполнять блюдо новой порцией песка.

Гинтабар опустил на колени рядом с Сатрэнной, чувствуя, как замирает сердце в груди. Гадалка взяла его руку своей и плавно повела над песком. Хотелось зажмуриться, но он буквально заставлял себя смотреть на то, как стекается в узоры разноцветный песок...

Внезапно гадалка выронила руку менестреля и проницательно заглянула ему в глаза.

– А ведь хитришь ты, южанин, – сказала она так серьезно и спокойно, что толпа вокруг них словно перестала существовать.

Остались только они двое – менестрель из другого мира и толстая гадалка.

– Ты ведь не из Силлека родом, и наш язык тебе не родной.

А я всю жизнь только здесь и жила, другим языкам не обучена.

Небо и янтарь в имени твоём, а как звучит, не скажу, и не проси – сама не ведаю!

Небо и янтарь...

– А не темнишь ли ты, ведьма? Про небо сочинила, а янтарь в моем имени и без песка нетрудно найти. Слышала небось, как я пел на площади, да народ меня окликал – Гинтабар?

– Не слышала, веришь ли, – так же серьезно ответила гадалка. – Не была я сегодня на площади. Но и небо есть в твоём имени, я вижу, не могу я так обмануться... Был бы ты из Силлека, так звучало бы это где-то как Мэйрил Хьеннту... или Хьенно. А как оно по-твоему...

По-моему... Значит, осталось только перевести?

И в этот миг он понял, что перевести не в состоянии.

Бывший еретик и подстрекатель даже не заметил момента, когда стал думать по-силлекски, и родной язык, подобно туманной дымке под лучами утреннего солнца, истаял в его памяти...

Он лихорадочно попытался вспомнить ту песню, которую пел на площади: «Танцуй, легконогая, с чашей вина...» Он же это у себя сложил, давно, еще до участия в мятеже Сур-Нариана! А что здешние понимали, так, ясное дело, транслировал, как и положено менестрелю в чужом мире...

А если не транслировал? Если сам не заметил, как перевел на здешний, а исходный текст забыл, как стер?

В ужасе он осознал, что его родного языка для него просто не существует. Остались, конечно, имена друзей и врагов, но теперь это были просто звуки, не наполненные смыслом в отрыве от тех, кто их носил.

Это удар не чета предыдущим – прямо в солнечное сплетение!

Но он не был бы Гинтабаром, если б не сумел скрыть за улыбкой то, что было у него на душе.

– Твоя взяла. От тебя и вправду ничего не скроешь, – смеясь, он вынул из кошелька монетку из честно заработанных на площади, и кинул мальчишке: – Что ж, ведьма, гадай, я слушаю...

* * *

Да что такое вообще эта магия?!

Интересный, конечно, вопрос. Из разряда тех, которых не вполне умный человек может задать столько, что десять мудрецов не ответят....

Простой народ считает, что магия – это любовные зелья и порча с помощью иголки и глиняной фигурки. Или умение когда надо, пролить дождь над жаждущими влаги полями, а когда не надо, разогнать облака. Или представление – на городской площади ли, во дворце владыки – когда прямо из камня мостовой растут чудесные деревья с ароматными хрустальными плодами, вода в промышленных масштабах превращается в вино, а цветок оссы – в маленькую прелестную танцовщицу в голубом платье....

Презрительно посмеется над этим настоящий маг и назовет все вышеизложенное игрушками для детей и дураков. А того, кто может только это, заклеит страшным ругательством – **ВОЛШЕБНИК!**

Не миром и пространством овладевает настоящий маг – это под силу и великому королю или военачальнику, и ученому с беспокойным разумом. И оба они знать не знают о том, как увлекательна игра со стихиями....

Настоящий маг овладевает людьми – телами и волей, разумом и душой. Тем, что жрец и священник только хранит, маг пытается овладеть, независимо от того, как он себя при этом называет. И хотя далеко не всегда такое овладение несет зло – но как просто оступиться, сойти с узкой тропы Меры ради упоения властью! Ибо не бывает магии без власти и ее символа – светящегося жезла в руке....

Настоящий маг знает закон – для того, чтобы вседневно его нарушать. Ведомо ему – что наверху, то и внизу, и каждая из стихий мироздания имеет отражение в душе человеческой.

Постигнув сущность соответствий, назовет он мысль – ветром, чувство – водой, волю и упорство рутинной работы – камнем, а огнем – внезапное озарение.... Он пронизывает единство символа и Суть, он вступает в схватку с неукротимыми силами, он пытается сам устанавливать правила восхитительной игры, именуемой бытием. Путями ритуала и артефакта, слова и собственной энергии идет он к достижению своей Цели....

Слово, вы сказали? Стойте-стойте! Вот об этом надо немного подробнее!

Ибо сказала досточтимая Ивэлла, а поскольку была она не только магом, но и жрицей, мы вправе ей верить: «...ничего не дается нам без того, чтобы что-то не было отнято взамен.» И за волю, не знающую преград, зачастую расплачивается маг неумением всегда ясно и четко отделять Суть от плоти, сокровенное от внешнего. И внятна ему логика соответствий, но не прихотливо выющаяся тропа ассоциаций, что проложена через подсознание.

Но у слова нет плоти. А значит, его почти невозможно подчинить. Его, как любую Суть, можно только познать. И лишь тот, для кого плоть не преграда, различает за знаками и символами то невыразимое, что призваны они означать, и не цепляется к их кажущейся неточности....

Тот, кто постиг это, непостижимое, живет по закону, которого и сам не знает. Он не устанавливает правил игры, но играет в нее с наслаждением, ради процесса, а не результата, что в корне противоречит самому принципу власти.... И сила Слова в его руках – лишь инструмент Игры, в которой он почему-то часто выигрывает, заставляя магов истекать белой или черной завистью (цвет зависит от степени испорченности).

Вот почему от века очень непростыми были отношения между магами и теми, кто сплетает и говорит Слова. И вот почему маги готовы в лепешку расшибиться, лишь бы заполучить в свои руки еще и эту, никому и никогда не подвластную силу, чтобы и ее претворить во власть.

И изредка, когда им это тем или иным способом удается....

Ой, что тогда бывает! Во всяком случае, боги, глядя на это, мгновенно перестают сучать....

* * *

Еще одна свеча догорела дотла, замигала и погасла с прощальным треском. Теперь опустевший трактир освещали лишь два огарка – один на столе, другой держала в руках девушка в алом, весь вечер просидевшая у ног Гинтабара.

Был третий час ночи. Трактир давно был закрыт, посетители разошлись, и только эти семеро, столпившись вокруг певца, никак не отпускали его спать – сама трактирщица, ее работник, две юных служаночки да трое путников, заночевавших, как и Гинтабар, в этом трактире.

– Пощадите, – наконец взмолился менестрель. – У меня глаза совсем слипаются. Вот-вот начну мимо струн попадать.

– Ну еще одну, на прощание! – заискивающе улыбнулась одна из служаночек. – Ты ведь завтра уйдешь, а нам только память о тебе и останется....

– Ладно, спою еще одну, – Гинтабар со вздохом положил ладонь на струны. – Но уж эта будет последняя....

Спать хотелось просто зверски. Он машинально заиграл вступление к «Тени минувшего», на полдороге вспомнил, что уже пел ее сегодня, и как-то очень бесстрастно перешел на другую песню, которая начиналась почти таким же перебором....

На «Отчаяние».

Со дня своего появления в Силлеке он ни разу не пел эту песню – боялся. А чего боялся, и сам себе объяснить не мог.

Впрочем, песня сия, как можно судить по названию, и не была рассчитана на исполнение при ярком свете в большой и шумной компании. А вот сейчас, кажется, для нее было самое время....

После того разговора с гадалкой он не то чтобы смирился.

Такие, как он, не смиряются никогда. Просто – понял, что его задача не из тех, какие решаются в два хода, и лобовой атакой тут не добьешься ничего. Лишь ребенок считает себя победителем, сбросив фигуры противника с доски ударом ладони. Взрослый же и разумный человек играет по правилам.

Что ж, сыграем. Менестрель из чужого мира, без имени – против сил, управляющих Силлеком и его непонятной магией.

Посмотрим, что выйдет, если полностью отдаться ее законам....

И почти сразу же после этого мысленно высказанного согласия начались странности. Нет, скорее всего, начались-то они гораздо раньше, только до этого он был слишком озабочен другими проблемами, и это лишало его ясности взгляда. Но, как бы то ни было, люди вдруг перестали воспринимать его песни как обычное «сыграй чегой-то для души».

В первый раз он ясно – словно кипятком в лицо! – осознал это, когда при большом скоплении народа запел «Предание о гибели Арт-Нариана». Самому ему эта баллада казалась безмерно затасканной. Но неожиданно на середине пятого куплета давно знакомые слова словно омылись новым смыслом – и мороз пробежал у него по коже. А через секунду по глазам зрителей он понял, что с ними происходит то же самое! Особенно потряс его один наемник, зверского вида детина в потертой черной коже и с целым арсеналом за поясом.... Этот головорез стоял, высоко подняв голову, и в глазах его стыли слезы гордости и гнева, словно песня была не о ком-то, никому в Силлеке не известном, а о его боевом командире.... нет, словно он сам был одним из тех девятисот, которые почти все полегли рядом с Артом Славным! А рядом, не стыдясь никого, утирала глаза суровая сорокалетняя женщина в зеленых одеждах жрицы Великой Матери, а когда песня отзвучала – низко поклонилась менестрелю....

Мистика!

Доселе Гинтабар слышал о таком лишь в легендах – и вдруг, неведомо как, начал творить сам!

Бесспорно – слагая ту или иную песню, он не мог не испытывать тех чувств, которые в нее вкладывал. Однако повторение стирает все, и зачастую он пел как бы по памяти, не тратя на каждое новое исполнение куска души... А теперь – не мог. Здесь, в Силлеке, он оставался иронично спокоен лишь до тех пор, пока рука его не касалась струн гитары. И тогда слова, срывавшиеся с его губ, неожиданно обращались в некую высшую правду, и правда эта заставляла смеяться и плакать слышавших его баллады. И каким-то новым, незнакомым светом начинали светиться их глаза....

У него больше не получалось жить, словно скользя по поверхности океана жизни, избегая спускаться в его заведомо мрачные и пугающие глубины. Теперь ему приходилось нырять туда ежедневно, а вынырнув, полной чашей пить последствия. И именно в страхе перед этими последствиями он до сего дня не решался петь «Отчаяние». Но сам он считал эту песню одной из лучших своих, а потому рано или поздно должно было случиться то, что и случилось в природном трактире, в свете двух мерцающих огарков....

Когда он кончил, в зале повисло напряженное молчание.

– Кто ты?! – вдруг спросила девушка у его ног. – И почему ты, целый вечер даривший нам силы, вдруг разом их отнял?

– Простите меня, – Гинтабар в смущении опустил глаза. – Это произошло совершенно случайно, я даже не думал, что спою именно это.... Воистину, вам следовало раньше отпустить меня!

– То, что ты делаешь, под силу только Поющим Жрицам, – это уже сказал немолодой человек с темной бородкой, управляющий какого-то местного лорда, судя по добротности одежды.... – Лишь они держали в руках ключи от силы и бессилия слова – но ведь их нет уже многие сотни лет! И потом, никто и никогда не слышал о мужчине, наделенном подобным даром....

– Ну, я, кажется, говорил, что родом не из Силлека.... – начал Гинтабар и вдруг натолкнулся на взгляд девушки у ног.

Такие неизменно голодные глаза иногда бывают у женщин, которым сильно за двадцать. В той, прежней жизни, пусть не простой, но понятной, он старательно избегал эту разновидность женщин, хотя вообще-то не упускал ни малейшей возможности пофлиртовать с юным очаровательным созданием. Но ведь таким не флирт нужен, и ждут они уже давно, как в той сказке, не чуда, а лодки. Поэтому и сами они держались от него на почтительном расстоянии. Они не хотели верить в красивые слова, он не желал ощущать себя чьей-то собственностью, в общем, все разрешалось к обоюдному удовольствию.

Здесь же именно подобных женщин и притягивали неожиданные глубины, открывавшиеся в его песнях. Он кое-как смирился и с этим, воспринимая таких поклонниц как неизбежное зло.

Но эта.... ей же не больше семнадцати! «Пятнадцать,» – вдруг ясно отпечталось в мозгу, и он, как любой моталец, ничуть не удивился этому внезапному знанию. Да, всего пятнадцать, шестнадцать исполнится только в середине зимы. Что ж, видно, некоторые несчастные так и рождаются с таким вот несытым взглядом. Причем спроси их в их романтической тоске, чего им не хватает – так сами не знают.

Черные волосы и смуглая кожа жительницы севера, темно-алые блуза и широкие штаны.... В его родном мире подобные девицы обычно носили черное. Она у его ног – как медленно остывающий уголь большого костра. И он над нею – в медовом сиянии волос, в золотом ореоле, как светлое пламя....

– Пойдем, – сказала девушка, вставая, и вцепилась в его руку. – Пойдем со мной. Ты действительно устал.

Он повиновался, веря, что найдет способ отделаться от нее.

– Доброй тебе ночи, менестрель, – толкнул его в спину голос трактирщицы. – Спасибо за дивный вечер и прекрасные песни.

– Не стоит благодарности, – ответил он автоматически. Мир плыл перед его глазами, хотелось только одного – добраться до сеновала и уткнуться головой в свернутый плащ.

– Меня зовут Лиуланния, – сообщила девушка уже на лестнице. – Можно сокращать до Лиула.

– А меня – Мэйрил Хьенно, – согласно правилам игры, в этом мире его звали так, и он уже давно не испытывал по этому поводу никаких эмоций. – Сколько тебе лет, чудо?

– Девятнадцать, – быстро ответила Лиула, но, видимо, сама почувствовала, как неправдоподобно звучит ее ответ, и добавила помедлив: – ...будет.

Темное, мрачноватое лицо с огромными глазами. Он всерьез усомнился, умеет ли она улыбаться.

– Значит, я старше тебя на десять лет. Как минимум, – Гинтабар попытался сказать это назидательно, но ничего у него не вышло из-за отсутствия практики.

– Вот уж что меня не волнует, – бросила Лиула таким тоном, что менестрель окончательно понял: эта женщина послана ему во искупление грехов. В том числе еще не совершенных.

Впрочем, дева действительно выглядела несколько старше своих лет: высокая, крепкая, с вполне сформировавшейся статной фигуркой. По крайней мере, обвинить его в соращении девушки, не вошедшей в брачный возраст, будет весьма непросто....

– Что это у тебя за камень? – он коснулся висящего на ее груди небольшого самоцвета оттенка белого вина. – Топаз?

Спросил он это лишь потому, что после вопроса о возрасте между ними повисла какая-то неприятная неловкость.

– Подымай выше, – усмехнулась Лиула, – это желтый сапфир.

– Желтый? – растерянно улыбнулся Гинтабар. – По-моему, сапфир должен быть только синим....

* * *

– Мэйрил.... А у тебя раньше была любимая женщина? То есть такая, которая единственная?

«Что тебе ответить, создание? Я старше тебя почти в два раза. Но когда мне было столько, сколько сейчас тебе, я уже умел раздвигать пределы мира, в котором жил. А в девятнадцать я знал о мироздании куда больше, чем положено простому уличному певцу, за что и был прозван Несогласным. Просто потому, что если человек начал мыслить, то остановить его очень, очень трудно.... Я ведь действительно хотел как лучше, а в молодости, когда все мы романтики, все кажется таким простым! Накатанная колея: несогласие – слово – наказание – ересь – мятеж.... и сам не заметил, как оказался у Сур-Нариана и превратился в символ, в выражение народных чаяний.... Порой я и сам не задумывался, к чему пишу ту или иную балладу – а люди умирали и проливали кровь других людей с моими строчками на устах.

Я себя в тебе вижу, девочка в красном, хоть мы и непохожи.

И чем лучше моя тогдашняя „борьба“ твоих „страданий“? Ты ведь тоже ничего не знаешь о том, кто такая была эта Оритта и почему тех, кто внимал ее проповеди, поднимали на копья. Это было девяносто лет назад, ты не застала живых свидетелей.... А ведь, если то, что я слышал – правда, там было за что поднимать, ой, было! Просто в вашем мире Несогласие зовется этим именем и носит темно-красные одежды.

А Тису я в последний раз видел на колесе. Только за то, что пошла за мной. Только за то, что посмела стать той самой единственной. А ведь потом была еще и Анн-рики, которая, кстати, чем-то походила на тебя, ведь в ней текла кровь горцев.

Но ей повезло больше, она умерла в бою, как повелевает честь ее народа. В том последнем неравном бою на морском берегу, когда у меня вышибли меч и я, со связанными руками, смотрел, как ломают мою гитару и как пузырится кровь на губах Анны... Но гитара – вот, а Анны нет и никогда не будет....

Но я никогда не скажу тебе этого, глупая девочка Лиула. Я не хочу, чтобы ты преклонялась передо мной, как это водится у подобных тебе. Ибо страдания – не заслуга, а ты еще не понимаешь, что тот крест, на котором тебя распинают, не повесишь на шею в качестве ордена. Свои и чужие ошибки, это порой больше подлости и предательства... И то, что ты страдал, не дает тебе права после идти по головам и душам на том основании, что ты „платил вперед“ – о, я и сам в свое время не избежал этой ловушки! А вы же еще и придумываете себе эти страдания, торопитесь заплатить – чтобы скорее начать победный марш по головам? Так, что ли?!

А доведись тебе самой ответить за свои, ладно, убеждения, за свою Оритту, и не перед беззащитными жрицами твоего храма, а перед пьяным от крови „воином веры“? Ты хорошо знаешь, что в вашем мире женщина священна, но, уверяю тебя, он успеет это позабыть... Что будет тогда?

Но этого вопроса я тоже тебе не задам. Именно потому, что в два раза старше. И еще потому, что, даже став старше и вроде бы мудрее, так и не избавился от своего романтизма... Я все еще способен понять, что заставляет человека в пятнадцать лет сбежать из дому и месяц вешать на уши всем встречным некую ерунду, которую он считает проповедью. А потом, начав смутно догадываться о собственной несостоятельности, прибиться... к первому попавшемуся менестрелю, приняв его за своего долгожданного героя!»

– Конечно, была, – помедлив, отозвался он. – Сейчас скажу... да, точно, пять. И все как одна единственные.

Догорал костер. Рогатый конь с серебряной гривой, фыркая, пасся где-то неподалеку. В ветвях орны над головой пронзительно вскрикнула ночная птица... Ночь перевалила за середину.

* * *

– Это он! Он! – пролетел шепоток среди леса белых колонн, за которыми прятались послушницы.

Гинтабар шел по коридору, выложенному темно-зелеными плитами, легко и уверенно, не поворачивая головы в сторону колонн, и лишь на губах его играла еле заметная усмешка.

Когда идешь на прием к Хассе, Верховной Жрице Силлека, некогда оборачиваться на крик сойки-пересмешницы.

Стеклянный потолок, бледно-зеленые стены, полусвет и плеск воды в фонтане... Ощущение покоя, тишины летнего дождливого дня и доброй женской руки, что, успокаивая, гладит по волосам... А послушницы прячутся, хоть устав и не запрещает им свободно общаться с проходящими в храм – но нет, лишь звенят за спиной взволнованные девичьи голоса.

– Он! Сам Мэйрил Янтарная Струна!

И эхом в ответ:

– Одержимый...

Он по-прежнему не повернул головы, но усмешка на его губах погасла.

Слева, рядом, но на шаг позади – Лиула. Как телохранитель.

Или как тень. Багряная тень золотого пламени солнца.

Алый капюшон отброшен на плечи, голова надменно вскинута.

Темное суровое лицо в ореоле черных волос, и на нем – гордость, оттого что рядом. Не как эти, в бело-зеленом, которым дано лишь смотреть из-за угла на самого прославленного менестреля Силлека, легендарного и таинственного Гинтабара, да шептать:

«Он, одержимый...»

Она похорошела за этот год, неловкая угловатость подростка почти исчезла, черты лица стали мягче. Но по-прежнему тяжела поступь, и улыбка так же редко является на полных губах.

Гинтабар привык к ней. Какая бы она ни была, здесь, в Силлеке, у него не было другого близкого человека, кроме нее, верной и надежной спутницы, повсюду следующей за ним. За это он, одинокий изгнанник из родного мира, готов был простить ей многие недостатки.

А прощать, положив руку на сердце, было что. Прежде всего то, что заработанные им деньги протекали у нее меж пальцев, как песок. Дашь ей несколько монет на хлеб и сыр, так она принесет полкуска, зато вернется с новым браслетом. И сидит потом, опустив глаза, а когда он все же отрежет ей от своей доли, отвечает мрачно: «Не хочется».

Она очень хотела, чтобы ее считали взрослой и самостоятельной, а он вместо этого постоянно ее воспитывал. Но за это она имела то, что считала величайшей привилегией – место у его ног. То, что ему было бы намного легче и проще видеть ее рядом с собой – ее не смущало.

Однажды Гинтабар все же не сдержался. Когда она повесила на пояс пару кинжалов весьма ритуального вида, он пообещал, что если она, паршивка, будет продолжать разыгрывать из себя не то крутую воительницу, не то, спаси нас боги, посвященную от Храмов Равновесия – он тупо, по-солдатски, без излишних эмоций выпорот ее. Ремнем от гитары! После чего не поленился дойти до набережной Ригонны, чтобы зашвырнуть в нее оба кинжала, невзирая на то, что у каждого на гарде было по большой черной жемчужине.

По ночам, когда она засыпала, он убегал от нее. Бродил по городу или по лесу, слушал себя и мироздание, вступал в мимолетные взаимоотношения с женщинами, которым было ничего от него не надо, кроме ласки и пары добрых слов. Разводил костер и глядел в огонь, или, выйдя на берег, подолгу смотрел, как течет река... В такие ночи он старался не петь.

Одержимый...

Так его называли в основном за глаза, но каждый раз, слыша это, он вздрагивал, как от удара плетью. Он давно знал, что когда смеется, этого смеха не видно в его глазах...

И она – всегда с ним, всегда у его ног, как напоминание о том, чем он был и чем стал, с мрачно горящими глазами, черно-алая, как безумие, тень...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.